

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ ВО ФРАНЦИИ:
ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ МИФОВ
К ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Политика памяти играет ключевую роль в формировании коллективной идентичности, оказывая значительное влияние на политические, социальные и культурные процессы. Во Франции это понятие приобрело особое значение в контексте геополитических трансформаций и внутривнутриполитических изменений. Исторически французская политика памяти была направлена на конструирование национальных нарративов, где центральное место занимали героические события и личности, которые создавали величие Франции и обуславливали ее цивилизационную миссию (*mission civilisatrice*). Однако с конца XX в. эта стратегия претерпела серьезные изменения, акцентировав внимание на признании исторических травм и возмещении ущерба жертвам насилия и преступлений, ответственность за которые возлагается на государство.

В работе рассматривается эволюция французской политики памяти от классической модели, основанной на героизации и мифологизации прошлого, к современному подходу, основанному на признании исторической ответственности. Также исследуются геополитические и внутривнутриполитические факторы, оказавшие влияние на трансформацию этого явления¹.

¹ Исследование выполнено при поддержке БРФФИ в рамках проекта № Г23ИП-021.

Историческая политика во Франции: концепции и реализация

Необходимо определить особенности того, как формируются и транслируются концепции, связанные с исторической политикой. Так, одно из определений трактует ее как политику государства, связанную со структурами и содержанием коллективных воспоминаний о прошлом. Особенность определения указанного понятия заключается в акценте на действиях и практиках конкретных субъектов, связанных с государством и действующих от его имени, в его интересах. Историческая политика в этом контексте в большей степени связана с «официальной мемориальной нормой или нормами, направленными на гомогенизацию представлений», чем с распределенной «социальной памятью» [5, p. 75–76].

Представители академического сообщества и общественно-политических кругов во Франции, в свою очередь, чаще используют понятие «политика памяти» (*politiques memorielles* или *politiques publiques de la mémoire*). Оно рассматривается как синоним термина «историческая политика» (*politiques historiques*), так как в равной степени касается «политического использования прошлого» [6, p. 22]. Принципиальную роль играет указание на то, что политика памяти относится к сфере публичной (то есть государственной) политики.

Французский философ И. Мишель определил политику памяти как «совокупность действий государственных субъектов, направленных на производство и навязывание обществу общей памяти» [9]. Неотъемлемой частью этого способа общественного воздействия является конструирование органами государственной власти коллективных нарративов. Предполагается, что они должны объединять граждан вокруг общей истории. И. Мишель отмечает, что подобные нарративы могут в большей степени свидетельствовать о том, как властные институты позиционируют себя и свою ценность, чем о реальном состоянии коллективной памяти [9].

Со временем политика памяти приобрела превентивный, воспитательный аспект. Печальные фрагменты истории должны быть доведены до сведения всего общества, чтобы предотвратить их повторение. Но если ранее в центре политики памяти находилась идея цивилизационной миссии Франции, то обновленный подход предполагает инструментализацию исторических травм для регулирования социальных отношений.

Рассматривая понятие «культуры памяти», французские авторы зачастую придерживаются наиболее широкого определения, охватывающего все возможные формы общественной памяти об исторических событиях, личностях или процессах, которыми обладают отдельные люди, социальные группы или даже государства. Подобное определение близко к достаточно размытой концепции «культуры памяти» (*Erinnerungskultur*), которая распространена в немецкой академической среде и может интерпретироваться как «уникальное наследие текстов, образов и ритуалов, специфичных для каждого общества и эпохи» [4, p. 108; 3].

Влияние геополитических трансформаций и внутривполитических процессов на формирование концептуальных представлений и практическую реализацию исторической политики во Франции.

Как было отмечено выше, подходы к определению политики памяти во французской историографии тесно связаны с геополитическими трансформациями и внутривполитическими процессами. Так, начиная с конца XVIII в. конструировались и поддерживались представления, в центре которых находились государствообразующие события (14 июля 1789 г., 11 ноября 1918 г.) и героические личности (солдаты, борцы сопротивления, политики, деятели искусства). Национальные герои создавали величие Франции (*grandeur de la France*), призываемой было достижение всеобщего человеческого прогресса (*mission civilisatrice*) [12, p. 118]. Стремление к культурной унификации многонационального населения путем распространения единых нарративов о славном прошлом Франции определяло политику памяти вплоть до 1980-х гг., кульминацией которой в какой-то мере стало празднование двухсотлетия Французской революции в 1989 г. [7, p. 113].

С 1990-х гг. в практиках политики памяти появился принципиально новый элемент, а именно публичное признание и возмещение ущерба группам, ставшим жертвами насилия или преступлений, особенно преступлений, ответственность за которые возлагалась на государство (работорговля и рабовладельческие практики XVII–XIX вв., депортация и преследование евреев при режиме Виши, война в Алжире 1954–1962 гг.) [11, p. 85-86].

В исследованиях политики памяти во Франции этот элемент трактуется как «долг памяти» (*devoir de mémoire*) [5; 13, p. 223]. Он предполагает, что государство несет моральные обязательства перед жертвами насилия и преступлений и не имеет права использовать «политику забвения» (*politique d'oubli*), замалчивая трагедии прошлого для скорейшего национального примирения. Напротив, такие обязательства требуют «мемориализации» (*mémorialisation*), то есть публичного признания эпизодов несправедливости и притеснения. Таким образом, в понятие политики памяти были включены практики по объяснению и инструментализации воспоминаний о травматических событиях в истории нации.

В результате указанных изменений политика памяти приобрела превентивный, воспитательный аспект. Печальные фрагменты истории должны быть доведены до сведения всего общества, чтобы предотвратить их повторение. Но если ранее в центре политики памяти находилась идея цивилизационной миссии Франции, то обновленный подход предполагает инструментализацию исторических травм для регулирования социальных отношений.

Образовательная цель новой трактовки политики памяти сходна с той, которая поддерживала прежний подход. Тем не менее прежняя стратегия была преимущественно окружена идеей «прогресса» и привязана к идеализированной нации. В то время как новая политика памяти нацелена на предотвращение крайней жестокости путем регулирования индивидуального поведения в рамках межкультурной терпимости. Так, если политика памяти

с XIX в. выполняла функцию социализации всех индивидов в контексте общего прошлого, обеспечивая продолжение коллективности как нации, то с 1990-х гг. эта социализация эволюционировала в направлении предотвращения социальной враждебности.

До начала 1980-х гг. практики политики памяти были преимущественно активны во время памятных событий. В 1980-х гг. они постепенно переходят в статус официальных практик публичной политики (*politiques publiques*), имеющих собственный административный отдел. Сначала они находились под ведомством Министерства ветеранов и жертв войны (*ministère des Anciens Combattants et Victimes de guerre*) под различными названиями: Национальная комиссия по исторической информации для мира (*Commission nationale de l'information historique pour la paix*) в 1982 г., замененная в 1987 г. Постоянной миссией по памятникам и исторической информации (*Mission permanente aux commémorations et à l'information historique*), затем Делегацией по памяти и исторической информации (*Délégation à la mémoire et à l'information historique*) в 1992 г. Служба перешла в Министерство обороны с 1999 г. в составе Дирекции памятников, памяти и архивов (*Direction des patrimoines, de la mémoire et des archives, DPMA*) и с 2022 г. в составе Дирекции памяти, культуры и архивов (*Direction de la mémoire, de la culture et des archives, DMCA*).

Помимо этих служб, другие политические деятели вмешивались в указанную сферу. Главы государств играли важную роль в проведении политики памяти, являясь «ведущими рассказчиками национальной истории Франции» [8, р. 212]. Эта президентская функция, усиленная институтами Пятой Республики, была подтверждена при президенте Ж. Шираке (1995–2007). Ключевым эпизодом в этом отношении было его выступление о роли французского народа в преступлениях режима Виши и событиях «Облавы Вель д'Ив», которое Ж.Ширак произнес 16 июля 1995 г. Он впервые признал ответственность Франции за депортацию евреев, живущих на ее территории во время Второй мировой войны. Позже президент Э. Макрон сделал мемориализацию войны в Алжире одним из основных сюжетов своих выступлений на тему политики памяти. В частности, была введена должность «советника по памяти» (*conseiller mémoire*) в Елисейском дворце.

Этим изменениям способствовала общая геополитическая ситуация и трансформация представлений об институтах и практиках политической памяти в Европейском регионе. Так, в начале XXI в. увеличение количества участников происходило в контексте двух основных трендов. На европейском пространстве происходило активное институциональное переосмысление прошлого, результатами которого стало голосование по таким документам, как резолюция Европейского парламента от 2 апреля 2009 г. «Европейская совесть и тоталитаризм», резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1481, призывающая к осуждению преступлений тоталитарных коммунистических режимов от 25 января 2006 г.

В 2000 г. в результате встречи 45 государств в Стокгольме был учрежден День международной памяти жертв Холокоста (27 января), последовательно принятый в 2003 г. министрами образования Совета Европы, а затем в 2005 г. – ООН, Резолюция от 23 октября 2008 г. квалифицировала голод в Украине (1932–1933 гг.) как «преступление против человечности». Понятие «системы управления памятью» (*gouvernance mémorielle*) отражает эту ситуацию вовлеченности различных масштабов и участников, в пределах которой теперь реализуются практики политики памяти [8, р. 33].

Изменения в политике памяти во Франции произошли по ряду геополитических и внутривластных причин. С геополитической точки зрения процессы европейской интеграции и мировой глобализации, включая активность институтов Европейского союза, оказали влияние на формирование общеевропейских подходов к памятным событиям, таким как Холокост и событийное, идеологическое наследие СССР. Это привело к растущему вниманию к различным аспектам прошлого, требующим признания и рассмотрения национальными государствами.

Внутриполитические факторы также сыграли ключевую роль. Расширение политики памяти стало ответом на социокультурные и общественные тенденции, такие как усиление требований об уважении прав человека, включая раскрытие преступлений прошлого и реабилитацию жертв. Внутри страны возрос интерес к темам, ранее остающимся в тени, таким как роль Франции в колониальных конфликтах, война в Алжире и другие аспекты национальной истории. Политики мемориализации также стали инструментом внутренней политики, используемым для формирования национальной идентичности и поддержания легитимности власти, в том числе с учетом ожиданий различных социокультурных групп.

Эти изменения отражают современный поиск всестороннего и более ответственного взгляда на историю, а также стремление к поддержанию общенационального единства в условиях разнообразия и множественности интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Berger, S. German History Politics and the National Socialist Past / S. Berger // The Convolutions of Historical Politics / ed.: A. Miller, M. Lipman. – Budapest : [s. n.], 2012. – P. 21–44.*

2. *Candau, J. Anthropologie de la mémoire / J. Candau. – Paris : Armand Colin, 2005. – 202 p.*

3. *Cornelißen, C. Was heißt Erinnerungskultur? Begriff, Methoden, Perspektiven / C. Cornelißen // Erinnerungskulturen. Deutschland, Italien und Japan seit 1945. – Frankfurt : [s. n.], 2003. – S. 548–563.*

4. *Cornelissen, C. Histoire du temps présent et culture mémorielle en Europe / C. Cornelissen // Histoire, économie & société. – 2016. – Vol. 35, № 2. – P. 107–123.*

5. *Gensburger, S.* Entre «devoir de mémoire» et «abus de mémoire» : la sociologie de la mémoire comme tierce position / S. Gensburger, M.-C. Lavabre // L'Histoire entre mémoire et épistémologie / ed.: B. Müller. – Lausanne : [s. n.], 2005. – P. 75–96.
6. *Hartog, R.* Les usages politiques du passé / R. Hartog, J. Revel. – Paris : [s. n.], 2001. – 306 p.
7. *Ledoux, S.* La Nation en récit / S. Ledoux. – Paris ; Belin, 2021. – 348 p.
8. *Michel, J.* Gouverner les mémoires. Les politiques mémorielles en France / J. Michel. – Paris, 2010. – 224 p.
9. *Michel, J.* Un Lavis 2009 / J. Michel // La vie des idées. – URL: <http://www.laviedesidees.fr/Un-Lavis-2009.html> (дата обращения: 13.08.2023).
10. *Novick, P.* L'Holocauste dans la vie américaine / P. Novick. – Paris, Gallimard, 2001. – 444 p.
11. *Pervillé, G.* Une politique de l'oubli. La mémoire de la guerre en France et en Algérie / G. Pervillé // Le Sociographe. – 2014. – № 2, Vol. 46. – P. 85–95.
12. *Røge, P.* L'économie politique en France et les origines intellectuelles de « La Mission Civilisatrice » en Afrique / P. Røge // Dix-huitième siècle. – 2012. – № 1, Vol. 44. – P. 117–130.
13. *Stora, B.* Guerre d'Algérie : les instruments de la mémoire / B. Stora // La guerre d'Algérie dans la mémoire et l'imaginaire / A. D. Rosenman (éd.). – Paris, 2004. – P. 215–224.